

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

14–19 июля 1997 г. в Свободном университете Амстердама (Нидерланды) проходила V Международная конференция по когнитивной лингвистике. Несмотря на то, что как самостоятельное направление когнитивная лингвистика "родилась" всего около 10 лет назад, в этом году в конференции приняло участие более 300 человек; в течение шести дней работало шесть параллельных секций, не считая стендовых докладов.

С пленарными докладами выступили основатели направления – Дж. Лакофф, Л. Талми, Д. Герартс, Р. Лангакер, Ж. Фоконье и некоторые другие.

Дж. Л а к о ф ф (Калифорнийский ун-т в Беркли, США) рассказал о метафоризации глаголов, описывающих движения рукой – типа *пихать, толкать, давить* и т.д., и нейронной модели интерпретации этих глаголов. Ключевым словом доклада Дж. Лакоффа было *embodiment* 'воплощенность', которое в данном контексте можно было бы перевести как 'воплощение в человеческом теле': в большой степени основой для метафорических интерпретаций естественно-языковых контекстов служит человеческое тело и наиболее характерные физические движения человека.

Л. Т а л м и (Нью-Йоркский ун-т в Баффало, США) говорил о связи языка (как когнитивной системы) с другими когнитивными системами – восприятием (зрительным, слуховым и т.п.), рассуждением, эмоциями, вниманием, памятью и культурными моделями. Идея заключается в том, что есть специфические черты для каждой из систем (например, парность для зрения), а есть черты, частично проявляющиеся и в других системах, например, симметрия, необходимая в зрительной системе, может возникать и в языке. Но кроме того, во всех этих системах есть общее, что, по мнению Л. Талми, и создает базу для единого когнитивного подхода. Это была одна из реплик в скрытом споре с хомскианцами, считающими, как

известно, язык отдельной, независимой от других, врожденной системой.

Д. Герартс (Лувенский ун-т, Бельгия) спорил открыто: он построил свой доклад в форме платоновского диалога, одним из собеседников в котором была *Antipoda Prolifica* – сторонница "идеалистического" подхода к языку (прототипом которой являлась Анна Вежицкая). Этот подход, по мнению ее оппонента по имени *Duodecimus Empiricus* (в образ которого вошел автор доклада), выражается главным образом в интроспекции как основном инструменте лингвистического исследования. В противоположность ему альтернативный подход признает только экспериментальные методы (в том числе и в лексикографии), с опорой на мнение носителей языка и статистическую обработку полученных данных. Таким образом, центральным в докладе Д. Герартса стал вопрос о месте теории и практики в лексической семантике, причем вопрос этот изначально ставился в форме выбора: или – или. Впрочем, диалог был построен так, что каждая из сторон последовательно выдвигала свои аргументы, защищалась, и в результате оказалось, что главное для автора – это сама возможность "мирного" спора в н у т р и о д н о г о и того же когнитивного направления.

Р. Л а н г а к е р (Калифорнийский ун-т в Сан Диего, США) – признанный лидер когнитивной теории. Известно, что у Лангакера есть своя концепция, свой метаязык. "Изнутри" в этой теории, как и во всякой другой "закрытой" системе, нет и не может быть никаких вопросов или разногласий: есть только развитие. Одним из главных постулатов Р. Лангакера является то, что всякая метаструктура применима к анализу разных языков и самых разнообразных языковых явлений, независимо от уровня языка и степени сложности самого явления. Поэтому его доклад был посвящен применению уже хорошо известного понятия "п р о ф и л ь" в синтаксисе – прежде всего для определения подлежащего и для описания разных типов субъектно-объектных отношений в простом

предложении. В докладе использовался материал разных языков, в том числе японского и лусеньо, однако материал славянских языков не привлекался (в частности, не рассматривались безличные конструкции, которые как раз обычно и нарушают стройность принятых синтаксических теорий, когда речь заходит о подлежащем). По нашему мнению, сама идея применения понятия "профиль" в синтаксисе вполне плодотворна. В самом деле, профиль предложения – это нечто вроде его темы, только понимаемой более широко. Так, в лексической семантике ближайшим аналогом понятия "профиль" оказывается "таксономический класс". Ср. здесь самый известный пример Р. Лангакера со словом *гипотенуза* (повторенный в докладе): профилем семантического описания этого слова будет 'отрезок', а "остаток" толкования – что-то вроде: '... такой, что он является стороной прямоугольного треугольника и расположен напротив прямого угла' (этот "остаток" в терминологии Р. Лангакера называется б а з о й).

Таким образом, профиль – тема, но подлежащее в обычном понимании тоже тема, поэтому маркирование подлежащего в естественном языке оказывается одним из способов "профилирования" предложения. И в этом случае, как естественно-языковой механизм, оно становится в один ряд с очень многими другими явлениями, которые в Когнитивной грамматике Р. Лангакера описываются тем же способом.

Хотелось бы обратить внимание на это обстоятельство: с точки зрения теории и истории лингвистики оно представляется нам очень важным. Хотя когнитивное направление утверждается его сторонниками (в том числе и на этой конференции) как явная оппозиция к формальному подходу и "универсальной" теории Хомского и кажется по духу чрезвычайно близким нашей отечественной лингвистической традиции, тем не менее, оно развивается в среде исследователей и приверженцев именно этих западных (и на сегодняшний день, скорее господствующих) направлений лингвистической мысли, и, что очень естественно, пытается решить те же задачи, хотя и другими средствами. В частности, как можно судить и по докладу Р. Лангакера, и по его работам, и по работам других лингвистов этого направления, их заботит все-таки не конкретно-языковой материал (при всем к нему внимании), а те же поиски универсальных принципов описания языка. Их принципы иные, чем у Хомского, они новые, они имеют когнитивную основу, объединяют лингвистику с физиологией, психологией и социологией, но они должны обязательно быть ничуть не менее универсальны

– пусть даже иногда в ущерб языковым мелочам – иначе в том научном контексте это не смотрится как полноценная теория.

Среди докладчиков, выступавших на пленарном заседании, был хорошо известный в нашей стране типолог В. К р о ф т (Манчестер, Великобритания). Он говорил об идеях когнитивной лингвистики, применимых в типологии, в частности, о грамматике конструкций как достаточно универсальном способе описания синтаксических явлений, о радиальной структуре значения как способе разрешить проблему многозначности грамматических категорий (например, падежей) и об их несопоставимости в разных языках.

Очень похожий подход к изучению грамматических категорий был применен Л. Я н д о й (ун-т Северной Каролины, США) – но в диахронии. Она рассказывала о процессе утраты славянскими языками грамматической категории двойственного числа. Потеря этой категории не привела к автоматической утрате соответствующих морфологических показателей: во многих языках они перенинтерпретировались как показатели лично-мужского рода (польский, болгарский и др.). Задачей Л. Янды было показать, что этот переход был вполне естественным с семантической точки зрения. Действительно, двойственное число – маркированная категория. Из двух других показателей числа – единственного и множественного – более маркированным является единственное, а не множественное, в том смысле, что единственное число обычно выражает "фигуру", а множественное более приспособлено для выражения "фона" (если пользоваться терминами Л. Талми). Бывший показатель двойственного числа "выбрал" (в системах типа польской) как раз тот единственный фрагмент множественного, который наиболее маркирован, а именно, множественное при обозначениях лиц мужского пола (прототипических деятелей). Тем самым он сохранился как показатель "маркированного" числа – выражающего в данном случае фигуру, а не фон.

Как видим, в рамках когнитивного направления происходит поиск новых оснований для систем грамматических категорий в естественном языке – исходя из представления о подвижности, изменчивости самих этих систем. В таком случае основой для их временной стабильности служат общие когнитивные принципы, создающие для носителя языка "удобные" условия для их использования в этом виде.

И. С в и т с е р (Калифорнийский ун-т в Беркли, США), известный специалист в области когнитивного подхода к проблемам диахронии, на этот раз свой доклад на

пленарном заседании посвятила новому подходу к проблеме композициональности. Понятие композициональности в традиционной формулировке (значение целого равно сумме значений частей плюс значение операции над частями) оказывается, по мнению И. Свитсер, недостаточным уже потому, что предполагает существование некоторого постоянного значения, все компоненты которого необходимым образом участвуют в процедуре сложения с другим значением. Между тем значение не постоянно — оно контекстно зависимо: в разных контекстах выступают разные грани значения (ср. известный пример Р. Лангакера *красный карандаш* — 'пишет красным' или 'имеет красную поверхность'). Отсюда "полезная" избыточность самого значения и возможность его взаимодействия с контекстом на разном уровне. Таким образом, автору удается сохранить саму идею композициональности, но путем усложнения как структуры значения (ср. понятие ментальных пространств — *mental spaces* у Ж. Фонконе), так и процедуры сложения смыслов.

Оживленную полемику вызвал доклад на секции Д. Тагги (Летний лингвистический институт, США) "Хранение или порождение сложных языковых структур: четыре максимы". Д. Тагги защищал возможность хранения сложных с лингвистической точки зрения структур в мозгу человека целиком, в готовом виде, и отрицал всеобщность привычной лингвистам процедуры порождения, в частности, всеобщность противопоставления *словарное* — *грамматическое*. Тагги считает, что если сложные структуры и порождаются носителем языка по определенным правилам, то, во-первых, не обязательно всяким носителем, во-вторых, не обязательно во всех обстоятельствах, в-третьих, не обязательно все без исключения структуры и, наконец, не обязательно только порождаются: человек может использовать правила и память одновременно, то есть вспоминать готовые формы, как бы опираясь на процедуру их порождения.

Многие доклады были посвящены семантике, прежде всего лексической, причем обычно исходным материалом для анализа служили опросы информантов и статистическая обработка полученных ответов. Так, доклад Д. Бейтель, Р. Гиббса и П. Сандерса (Калифорнийский ун-т в Санта Крузе, США) был посвящен семантике английского предлога *on*; авторы этой работы предлагали испытуемым вопросы типа: является ли ситуация, описываемая как 'на столе', 'на шее у родителей' и под., ситуацией поддержки, давления, по-

крытия, видимой ситуацией и др. под., и на основании полученных ответов строили свои выводы о семантике *on*. Доклад А. Ченки (ун-т Атланта, США), относящийся тоже к области экспериментальной семантики, был посвящен сопоставлению двух близких категорий морали в русском сознании — 'честность' и 'порядочность' — на основе исследований жестов, образной системы, языковых и внеязыковых ситуаций, связанных с этими категориями.

Заседания последнего дня конференции были организованы по типу "круглого стола" — обсуждались проблемы полисемии, метонимии и метафоры, когнитивные модели изучения иностранного языка и некоторые другие темы. Один из круглых столов был посвящен столетию Бенджамина Уорфа. Исследовательница жизни и творчества Б. Уорфа П. Ли выступала на заседании с экрана, находясь при этом у себя в университете Западной Австралии. В дискуссии приняли участие К. Голдгард (он говорил о связи концепций Б. Уорфа и А. Вежбицкой) и Дж. Лаккофф. Доклад Лакоффа был, как всегда, достаточно парадоксальным: он выступил с критикой критиков Б. Уорфа, утверждая, что последующие интерпретаторы и публикаторы его работ понимали его идеи слишком прямолинейно и однозначно. Между тем уже сам факт, что какие-то свои работы (в частности, касающиеся хопи) Б. Уорф не публиковал при жизни, говорит о том, что он не придавал некоторым своим лингвистическим утверждениям (например, об отсутствии в хопи метафор времени) того значения, которое было приписано им позже независимо от его воли. И наоборот, исследователи недооценивали религиозную составляющую в творчестве Б. Уорфа (а он был глубоко верующим христианином) — в частности, его интересовала проблема поиска самого совершенного, прозрачного, лучшего языка, и отпечаток именно этой идеи лежит на всей его лингвистической деятельности.

В целом, конференцию можно охарактеризовать как важное событие лингвистической жизни в мире. Она объединила разных исследователей общим интересом к причинам языковых явлений и процессов и общим пониманием того, что без исследования этих причин ничего ни в каком языке понять нельзя.

VI конференция по когнитивной лингвистике состоится в 1999 году в Стокгольме.

Е.В. Рахилина
(Москва)*

* Настоящая работа поддержана грантом РФФИ N 97-04-06380а.

30–31 октября 1997 г. в Санкт-Петербурге состоялись тунгусо-маньчжурские чтения, которые регулярно проводятся отделом алтайских языков Института лингвистических исследований РАН (ИЛИ РАН), начиная с 1993 г. В этот раз чтения были посвящены памяти члена-корреспондента АН СССР В.А. Аврорина.

Валентин Александрович Аврорин, несомненно, был и остается одним из ярчайших российских североведов. Он родился в г. Тамбове в 1907 г., в 1930 г. закончил этнографическое отделение Географического факультета Ленинградского государственного университета. Первые экспедиции к орочам предпринял еще студентом в 1927 и 1929 гг. под руководством сотрудника Музея антропологии и этнографии И.И. Козьминского. Круг интересов Валентина Александровича был чрезвычайно широк. Он начинал как этнограф, но более известны его работы по лингвистике, в том числе и социолингвистике, национальным отношениям. Труды В.А. Аврорина отличаются необыкновенной тщательностью подготовки. Его фундаментальная "Грамматика нанайского языка" – пример не только основательности, но и нетрадиционного подхода к грамматическим категориям тунгусо-маньчжурских языков. Незаурядная личность и работы этого ученого, к сожалению, еще не оценены в должной мере научным сообществом.

На конференции присутствовали ученые из Москвы, Новосибирска, Петербурга. Было прослушано 17 докладов и сообщений. Открывая чтения, заместитель директора ИЛИ РАН А.П. Сытов подчеркнул, что В.А. Аврорин – выдающийся российский лингвист и его труды имеют непреходящее значение.

Основные темы докладов на чтениях были такие: а) научная деятельность В.А. Аврорина, б) различные вопросы грамматики тунгусо-маньчжурских и других алтайских языков, в) проблемы этимологических исследований.

Первая группа докладов была сделана учениками Валентина Александровича и его вдовой Е.П. Лебедевой.

Е.П. Лебедева (Санкт-Петербург), известный филолог-северовед, посвятила свой доклад одной из сложнейших в этнографии тем – инцесту. Эта тема разрабатывалась ею совместно с В.А. Аврориным. Существование инцеста у тунгусо-маньчжурских народностей, разумеется, не может считаться бесспорным. Тем не менее фольклор, и в том числе ороцкий, содержит информацию о возможном или действительном сожительстве между младшим братом и сестрой. Ороцкий инцест, полагает Е.П. Лебедева, можно рассматривать как пережиток такой формы кровнородственной семьи, в которой мужьями были млад-

шие братья разных степеней родства, а женами – их сестры. Тунгусо-маньчжурская система родства, в основе своей очень древняя, восходит к кровнородственной семье, возникшей в результате деления первобытного человеческого общества не на родителей и детей, а на старших и младших родственников.

В докладах А.М. Певнова (Санкт-Петербург) и М.М. Хасановой (Санкт-Петербург) была сделана попытка оценить вклад В.А. Аврорина в лингвистику, этнографию и фольклористику. М.Д. Симонов (Новосибирск) коснулся социолингвистических исследований Валентина Александровича, который занимался проблемами "языкового строительства" со студенческих лет. В 1967–1969 гг. по его инициативе и под его руководством было проведено крупномасштабное социолингвистическое обследование народностей Сибири. В.А. Аврорин был обеспокоен все усиливающимся процессом утраты сибирскими народностями своих языков и культуры, сокращением преподавания "родных языков" в школах, почти полным прекращением выпуска книг на сибирских языках. Он стремился повлиять на ситуацию, смягчить русификацию, вернуть людям уверенность в значимости их культуры. Итогом его работы стала книга "Проблемы изучения функциональной стороны языка" (Л., 1975), где содержатся и его теоретические воззрения на функции языка, и практические рекомендации по возрождению языков коренных народов Сибири.

В выступлениях Л.М. Гореловой, С.Л. Чарекова, И.В. Недялкова, А.Л. Мальчукова (вторая группа докладов) рассматривались различные вопросы грамматики.

Дискуссия развернулась вокруг доклада Л.М. Гореловой (Москва) "Исчезновение и развитие языков (на примере маньчжурской народности сибо)". Был отмечен недостаток сведений в русскоязычной литературе по современному маньчжурскому языку, по диалектам зарубежных нанайцев, солонов и других тунгусо-маньчжурских народностей Северного Китая. Л.М. Горелова привела ряд интереснейших примеров, показывающих отличие синьского диалекта от маньчжурского языка. Китайскими учеными синьский признается самостоятельным языком, тогда как российские исследователи считают его диалектом маньчжурского. Сугубо теоретический вопрос, переведенный Л.М. Гореловой в плоскость конкретного взаимоотношения двух языков (или диалектов), вызвал весьма активное и плодотворное обсуждение.

И.В. Недялков (Санкт-Петербург) в докладе "Нанайские деепричастия в типологическом аспекте" отметил выдающуюся роль

В.А. Аврорина в описании глагольных категорий. В.А. Аврорин, в частности, детально и тонко описав нанайские деепричастия, более 40 лет назад впервые ввел в научный оборот такие референтные признаки деепричастий как односубъектность и разносубъектность. Он фактически предвосхитил подразделение деепричастий на две основные семантические группы: семантически сложные (полисемичные, или семантически неопределенные) и семантически простые (специализированные). Известной научной смелости и прозрачности, по мнению докладчика, потребовало включение в группу нанайских деепричастий аналитической формы – *риди гэсэ* со значением контактного предшествования.

В выступлении С.Л. Чарекова (Санкт-Петербург) "Словообразовательные суффиксы и проблема родства алтайских языков" рассматривалась возможность исследования указанной проблемы с опорой на некоторые глаголообразующие форманты. Фонетические соответствия суффиксальных морфем, считает С.Л. Чареков, из-за их краткости не могут служить основанием для выводов о родстве языков. Он предложил базироваться на семантике сходных по звучанию формантов, для чего необходимо выделить определенные лексико-семантические группы имен существительных, служащих основой производного глагола, а также классифицировать значения глаголов по типам действий. Этот подход позволяет применять единые критерии к сходным суффиксам различных алтайских языков, что дает возможность делать заключения об их идентичности или же различии.

А.Л. Мальчук (Санкт-Петербург) в докладе «К вопросу о "продолженном" способе действия в эвенском языке» пришел к следующим выводам: конвергентное развитие тунгусского процессива, результатива, а также показателя отыменных глаголов *-ч/-т-* и показателя многократности *-кта-* не было завершено; в отличие от эвенкийского, где доминирует объективный результатив, в эвенском преимущественно представлен субъектный и агентивный результатив, что связано с его совпадением с процессивом, не меняющим диатезу; в типологическом плане следует различать два типа транзитивного результатива: агентивный (производный субъект соответствует исходному агенсу) и посессивный (производный субъект не соответствует актантам исходного глагола).

Л.Ж. Заксор (Санкт-Петербург) рассказала о способах конструирования некоторых терминов в нанайском языке ("Нанайская лесохозяйственная и лесопромышленная лексика"). Источником пополнения нанайской

лексики являются заимствования из русского языка, а также новые термины, образованные средствами самого нанайского языка. Л.Ж. Заксор обнаружила, что при создании новых нанайских терминов применяются суффиксальное словообразование, терминологизация общепотребительных слов и словосочетаний, субстантивация причастий, калькирование по моделям русского языка.

Н.И. Гладкова (Санкт-Петербург) обратила внимание специалистов на отсутствие общетунгусо-маньчжурского слова со значением 'слово, язык, речь'. В северной подгруппе это будет *түрэн ~ тэ́рэн* (эвенк., эвен.), в южной – *кэсэ ~ хэсэ*. Негидальский и солонский языки, входящие в северную подгруппу, в данном случае примыкают к южной. Вероятно, слово *хэсэ* – довольно позднее, но широко распространившееся заимствование из маньчжурского языка.

На последнем заседании был зачитан доклад Х.И. Дуткина (Якутск) "Изучение диалектов эвенского языка: состояние исследования и классификационные принципы".

Третья группа докладов была посвящена этимологическим исследованиям. Новую гипотезу о возникновении парадигмы тунгусо-маньчжурского "настоящего времени" с суффиксом *-ра-* предложил М.Д. Симонов. Основой для выводов послужил материал эвенкийского и нанайского языков. Автор развивает идею К. Менгеса, состоящую в том, что формы настоящего времени 1 и 2 л. ед.ч. исторически состоят из суффикса *-н-* + личный показатель, а остальные личные формы – из суффикса *-ра-* + личный показатель. М.Д. Симонов предположил, что в праязыке форма на *-н-* передавала сильную определенность действия, а близкая ей по значению форма на *-ра-* – более слабую определенность; скорее всего самыми употребительными в речи среди форм *н-*парадигмы были формы 1 и 2 л. ед.ч., которые и сохранились до наших дней, а остальные личные формы постепенно заместились таковыми из *ра-*парадигмы.

А.М. Щербак (Санкт-Петербург) говорил о разработке проспекта монографии "Материалы для этимологического словаря тунгусо-маньчжурских языков. Заимствованный фонд". Он подчеркнул, что еще С.М. Широкогоров обратил внимание на чрезвычайную смешанность лексики тунгусо-маньчжурских языков, побуждающую считать выделение заимствованного фонда одной из важнейших задач подготовки материалов для этимологического словаря. Как известно, решению этой задачи придавали большое значение составители "Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков", являющегося

богатым собранием тунгусо-маньчжурской лексики и главным источником лексикологических исследований; однако имеющийся в нем справочно-этимологический комментарий нуждается в значительной корректировке: в частности, параллели из тюркских и монгольских языков нередко случайны и предлагаемые сопоставления не опираются на сколько-нибудь надежные данные.

Доклад С.Е. Яхонтова (Санкт-Петербург) "О некоторых общих алтайских этимологиях" затрагивал ряд положений книги С.А. Старостина "Алтайская проблема и происхождение японского языка" (М., 1991). В ней используется математический метод, связанный с лексико-статистикой и позволяющий определить, объясняется ли сходство между языками родством или случайными совпадениями. При этом С.А. Старостин предлагает некоторые новые этимологии. Признание или непризнание их влияет на статистику и далее — на окончательный вывод. В качестве подобного рода примеров С.Е. Яхонтовым были подвергнуты критическому анализу алтайские этимологии слов со значением 'глаз', 'собака', 'камень'. Основываясь главным образом на принимаемых С.А. Старостиным фонетических соответствиях, докладчик пришел к заключению, что сближения вышеназванных тунгусо-маньчжурских слов со словами других алтайских языков неверны.

Несколько докладов было посвящено вопросам этнографии и социолингвистики. В выступлении А.А. Петрова (Санкт-Петербург) "Социолингвистика и этнолингвистика" разбиралась проблема взаимоотношения этих дисциплин. Возникновение новых направлений на стыке наук (этнохореография, этномузыковедение, этномедицина, этнокультурология и др.), как правило, вызывает дискуссии. Так, одни считают этнолингвистику разделом языковедения, изучающим проблемы соотношения языка и духовной культуры этноса (Н.И. Толстой), другие — "пограничной дисциплиной, лежащей между языковедением, этнографией и социологией" (А.С. Герд), включая в область ее исследования и факты материальной культуры. А.А. Петров разграничивает в рамках внешней лингвистики социолингвистику и этнолингвистику как самостоятельные разделы языковедения и, соглашаясь с Н.И. Толстым, предметом исследования этнолингвистики считает язык и духовную культуру этноса.

Л.И. Сем (Санкт-Петербург) рассказала об этнонимам малоизвестной дальневосточной этнографической группы — тазов, насчитывающих не более 200 чел. и проживающих на территории Приморского края. Тазы говорят на диалекте китайского языка и представляют

собой результат смешения коренных народностей Приморья (нанайцев, удэ) с пришлыми китайцами. Л.И. Шренк вслед за П. Клапротом пришел к выводу, что этноним *тадзы*, или *тазы* < *та-тань* ~ *да-дань* 'северные дикари, инородцы'. К. Риттер полагал, что *тадзы* ~ *тадзы* — собирательное название для монгольских и тунгусских племен, живущих к северо-востоку от китайцев. Приведенные Л.И. Сем этнонимы, бытовавшие в XIX в., подтверждают вывод Л.И. Шренка о значении слова *тадзы* (солон *тадза* 'солонь', *гольда тадза* 'гольды (нанайцы)', *килин тадза* 'кили, сунгарийские нанайцы', *манзу тадза* 'китайцы'). Самоназвание этнографической группы тазов восходит, по мнению Л.И. Сем, к одному из территориальных наименований, данных ей китайцами: *вай сан тадза* 'народ, живущий за горами', т.е. "наружные" тазы.

Т.А. Пан (Санкт-Петербург) в докладе "Шаманская атрибутика солонов" охарактеризовала ранее не известную коллекцию, хранящуюся в двух музеях Германии (Музей народного искусства Дрездена и Берлина). Вещи принадлежали этнографу-любителю В. Штотнеру и были приобретены им в бассейне р. Сунгари в 1927–1929 гг. Собрание включает около ста предметов преимущественно культового назначения. Т.А. Пан подробно осветила солонскую часть коллекции: костюм шамана, амулеты, изображения духов, своеобразные рисунки-"иконы". Доклад сопровождался показом слайдов.

Интереснейшей территориальной группе эвенков — манеграм — посвятила свое выступление Н.Я. Булатова (Санкт-Петербург). Первые сведения о манеграх, как и о бирарах (еще одной территориальной группе эвенков), относятся к XVII в. В конце XVII в. территория проживания манегров и бираров — Верхнее Приамурье — по Нерчинскому договору отошла к Китаю, поэтому данные о них в русской литературе XVII–XVIII вв. практически отсутствуют. В XVII в. манегры были оленеводами и охотниками, но в XVIII–XIX вв. постепенно перешли к коневодству. Манегры, считает Н.Я. Булатова, значительно отличались от собственно эвенков, т.к. на их культуру оказали большое влияние другие народы. Язык же манегров следует рассматривать как один из говоров восточного наречия эвенкийского языка.

В заключение можно отметить, что конференция была во всех отношениях хорошо организована и прошла в атмосфере оживленных творческих дискуссий. Следующие чтения намечено провести в 1999 г.

М.М. Хасанова
(Санкт-Петербург)